

1. Проект Федерального закона «О Государственном стандарте общего образования» // <http://www.legislatur.ru/monitor/standartobrazovaniya.html>.
2. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года [Текст]. - М.: Академия, 2004.
3. Расчетина, С.Л. Стандарт образования как модель, мера и норма образованности [Текст]. – СПб, 2001.

УДК 82.091

Г. Ю. Филипповский

**Функция женских образов в литературе Руси и поэзии
Некрасова (архетипический мотив «мать и сын»)**

В преддверии великой русской литературы XIX века стоят фигуры и наследие А. С. Пушкина, а ещё ранее В. А. Жуковского и Н. М. Карамзина. Европейские литературные традиции, влиявшие на отечественную словесность достаточно активно ещё в XVII–XVIII вв., подпитывали творчество названных авторов, но в меньшей степени обращались они к родной почве. Так, русская историческая тема и до Пушкина разрабатывалась Карамзиным, известным своими повестями на сюжеты старинной и даже древнерусской жизни. Особое место занимает в ряду авторских произведений Карамзина его знаменитая «История государства Российского». Традиционно здесь видят работу историографа-документалиста, забывая об авторском характере этого этапного для русской культуры и литературы труда, столь много значившего для общекультурного, национального самосознания России нового времени. Карамзин-писатель и поэт создал здесь поистине литературно-историческую эпопею, не только сопоставимую с «Повестью временных лет» Нестора, Сильвестра и Лазаря, авторов трёх её редакций начала XII века (согласно А. А. Шахматову [1], созданных в 1113, 1116 и 1119 гг.), но и по жанру, культурной функции, значимости и влиянию на жизнь и судьбы России-Руси с ПВЛ соотносительную, разумеется, в применении к иной эпохе. Общеизвестно, что именно «Повесть

временных лет» и её авторы начала XII века оформили массив первоначальной древнерусской литературы, её истоков, повлиявших на новое самосознание Руси [2] и на всю последующую динамику и развитие русской литературы. Открывая принципиально новый и значимый этап в истории русской литературы, авторы начала XIX века отнюдь не случайно обращались к инициационному тексту «Повести временных лет». Речь идёт не только о Карамзине, но и о Пушкине, баллада которого «Песнь о вещем Олеге» на сюжет сказания ПВЛ, по мнению В. Н. Турбина [3, с. 105], повлияла на создание «Бориса Годунова» и многих произведений поэта. Карамзин и Пушкин полностью отдавали себе отчёт в том, что они своими созданиями открывают новую русскую литературу и сознательно обращаются к ранним текстам, в свою очередь открывавшим оригинальную русскую литературу у самых её истоков. В такого рода причинности наивно видеть фактор случайности или бессознательной мотивации. По этой логике «История государства Российского» Н. М. Карамзина реально подключается к массиву литературной работы XIX века, к литературно-символической функции её истоков.

Вообще, не только Карамзин и Пушкин обратились к явлениям художественной почвы. Н. В. Гоголь в своих «Вечерах на хуторе близ Диканьки» широко использовал материал истоков отечественной художественной культуры и словесности, легенд, преданий, обрядов и обычаев старорусских и староукраинских. Ф. М. Достоевский создал свой знаменитый роман в связи с мотивом «преступления и наказания», составившим сюжетно-композиционную основу ещё древнерусской повести об ослеплении князя Василька Ростиславича под 1097 год в составе «Повести временных лет». Важнейший в контексте названной повести мотив Божьего Суда вполне созвучен словам известного эпитафия, который Л. Н. Толстой предпослал роману «Анна Каренина»: «Мне отмщение и Азъ воздам». Многие литературные мотивы русской прозы и поэзии восходят к древнерусской или даже библейской первооснове. Одним из наиболее распространённых является, например, известный евангельский мотив «блудного сына». В прозе Ф. М. Достоевского, других русских писателей XIX века встречается мотив «матери и сына», который уже доводилось обсуждать на материале целого ряда ранних литературных текстов Руси, в том

числе, в составе «Повести временных лет» [4, с. 24 – 41], и на котором предполагается сконцентрироваться в настоящей статье. Однако, нигде на пространстве всего русского XIX века названный мотив «матери и сына» не встречается чаще и, главное, масштабнее, нежели в поэзии Н. А. Некрасова.

Несомненно, данный мотив относится к числу наиболее архаических по своей природе образов-архетипов, то есть первообразов мировой художественной культуры. Примечательно, что все тексты начального периода развития русской литературы с характерными мотивами матери и сына включают их в систему острых сюжетных коллизий, весьма драматичных или даже трагических по своему пафосу. Как правило, матери в сюжетах древнерусских произведений оказываются не просто свидетелями необычной, неординарной, драматичной судьбы сына, но соучастниками этой судьбы, связанными с сыновьями самыми тесными узами. А поскольку речь идёт о произведениях литературы средневеково-христианской эпохи, подобного рода архетипические мотивы матери и сына подчас оказываются соотносительными с архетипическими образами Богородицы и Христа. Открытой страданию оказывается судьба сына Агари Измаила по библейскому архетипу в сюжете «Слова о Законе и Благодати», как и судьба сына Сарры Исаака, род которых ведёт непосредственно к Богородице и Христу. По мнению матери, страдает её сын Феодосий. Но самому же будущему игумену Печерскому в «Житии» его судьба предстаёт как предназначение свыше. Княгине Ольге в сказании «Повести временных лет» крещение и христианское будущее сына Святослава видится как несомненное Благо в контрасте с его актуальным настоящим, преданным кровавым битвам и военным амбициям. В повести о Васильке Ростиславиче княгиня Всеволожая приглашена вместе с митрополитом киевлянами не только для замирения кровавой распри, возникшей после злодейского ослепления старшими князьями – крестопреступниками своего меньшого брата князя Василька, но и для разрешения драматической коллизии, связанной с преступно и безвинно оклеветанным её сыном князем Владимиром Мономахом. Не случайно в большинстве ситуаций, где в XI–XII вв. в произведения литературы Руси введён мотив матери и сына, актуальным их контекстом является не просто контекст христианской культуры, но именно аспект её утверждения через противостояние

дохристианским родовым, языческим традициям – агрессивным, стойким, исполненным крови и смерти.

Становление великой классической литературы и поэзии XIX века в эпоху её начала в творчестве Карамзина, Жуковского, Пушкина, других их не только современников, но и непосредственных продолжателей (к числу которых следует отнести, в частности, и Гоголя, Некрасова, Тютчева, Хомякова, Достоевского), не обошлось без обращения, без возвращения, без опоры на истоки, изначальные тексты древнерусской литературы Руси, потому что это были не чужие, а свои истоки, оригинальные, самобытные и незамутнённые. Не только Карамзин обратился в том числе к опыту Нестора и других первых, начальных авторов литературной эпики Руси, к этому опыту, к этим родникам обратились десятки поэтов и писателей русского классического XIX века романтической, но и духовно-почвенной школы. Таковы были пути формирования новой великой литературно-поэтической реальности России XIX века, эта реальность не могла обойтись не только без наследия мировой литературы, но и прежде всего своеземной словесности, без базы образов-архетипов как мировой, так и собственной оригинальной литературы и культуры.

Вот как оценивает теоретические аспекты обсуждающейся ситуации В. Н. Топоров: «Реальность чего-либо достигается только постольку, поскольку это что-то повторяет архетип, корнящийся «в начале», в ситуации «первого раза». Это повторение состоит в воспроизведении архетипа структур с заданной степенью тождественности, что и гарантирует человеку верность своим истокам, корням, что, в свою очередь, обеспечивает благополучие здесь и сейчас. Только повторение этого рода образует островок твёрдой земли в окружающем хаосе, только оно отсылает к парадигме и только парадигматическое реально. Второе обстоятельство связано с первым и вытекает из него. Всё, что повторяется («парадигма»), как бы отменяет мировое время, то необратимое «историческое» время, которое лишает человека всяких надёжных, заранее известных и загодя приготовленных опор и неудержимо несёт его в бездну хаоса. От такого времени человек защищается тем, что он или старается прочнее утвердиться в мифологическом времени, или вообще изымает себя из

времени, спасаясь от «ужаса истории» и от знания «истории», памяти о ней. М. Элиаде [5, с. 52] пишет, что коллективная память с трудом удерживает отдельные «индивидуальные» события и подлинные лица и что она «функционирует посредством иных структур: вместо событий – категории, вместо исторических лиц – архетипы. Историческое может сохраниться в переработанном виде, если только оно переводится в архетипический код, освобождаясь от того, что слишком «конкретно-исторично», опустошая себя от «только-временного», за которым просвечивает вневременное, вечное». [6, с. 390–391]

Нам уже приходилось писать об образах-архетипах поэзии Некрасова [7, с. 344–359], но не образе-архетипе «мать и сын», точнее, архетипическом мотиве «мать и сын». Именно этому мотиву мир поэзии Некрасова обязан прежде всего своей масштабной мифопоэтичностью, онтологичностью, глубинами погружения в стихию пространства и время начал природного и человеческого бытия, «обаяния детства», – по точному некрасовскому определению подлинного поэтико-философского контекста архетипического мотива «мать и сын». Как уже говорилось, поэт смог выйти на этот онтологический космос, мифопоэтическую вселенную, идя вслед гигантскому открытию Карамзина, Жуковского и Пушкина, других их современников, например, Батюшкова, открытия, которое в теоретических терминах сформулировал в цитированном выше тексте В. Н. Топоров, а Д. С. Лихачёв определил как открытие «нашей античности» [8, с. 146]. Разумеется, известный исследователь древнерусской литературы и культуры отдавал себе полный отчёт в метафорическом смысле приведённой формулы, но также и её глубинном онтологическом содержании, наполнении. Ведь, по сути дела «античность» понимается нами не иначе, как волшебное «обаяние поэзии детства» (по замечательным словам Некрасова) не человека одного только, но всего Человечества и его культуры.

В поэтическом наследии Некрасова находим более 20 произведений, где по разному масштабно введён архетипический мотив или образ-архетип «матери и сына». Разумеется, такое явление не может быть случайным. Некрасов намеренно шёл на архаизацию всего поэтического контекста своего творчества, придавая ему тем самым мифопоэтическое качество, как бы реа-

лизуя на языке поэзии (вместе с Хомяковым, Тютчевым, А. К. Толстым и другими поэтами) тот прорыв в «свою античность» [9, с. 146] (или мифопоэтическую архаику), то открытие мира русских Начал, которое совершили Карамзин, Жуковский и Пушкин. Понятно, что у романтиков, в том числе и русских, этот мир Начал человека и человечества, их культуры оказался органично совмещён с миром Природы, её космосом. В таком качестве мир Начал стал достоянием и поэзии Некрасова, и Тютчева в России. Основанием и, так сказать, осью координат этого поэтического мира Начал некрасовских текстов стал архетипический мотив «мать и сын». Дадим неполный список текстов Некрасова, где он встречается: «Саша», «Мать», «Сон», «Затворница», «Родина», «В деревне», «Кому на Руси жить хорошо», «Орина, мать солдатская», «В дороге», «Рыцарь на час», «На Волге/Детство Валежникова/», «Еду ли ночью по улице тёмной», «Калистрат», «Соловьи», «Дедушка», «Надрывается сердце от муки», «Баюшки-баю», «В полном разгаре страда деревенская», «Свобода», «Внимая ужасам войны».

Самым масштабным, мифопоэтически наполненным является, конечно, образ Матрёны Тимофеевны («Губернаторши», «Крестьянки») и её сына Дёмушки в эпосе «Кому на Руси жить хорошо», Этот образ-архетип, архетипический мотив, безусловно, занимает в эпосе русской жизни особое место, и, конечно, на то была воля автора, видевшего в этом тексте своё итоговое, «заветное» произведение. Образ Матрёны и её трагически и безвинно погибшего сына олицетворяют по их величественному, даже величавому трагизму судьбы Руси и её народа, и они мифопоэтически изоморфны: человеческое и вселенское, христианское и природное слиты здесь воедино, нераздельно. Чего стоит, например, и □стовая молитва Матрёны, обращённая к Богородице и Христу, но ночью, в чистом поле, склоняясь в молитве лбом к покрытой снегом земле. Или, например, покаянное примирение Матрёны и Савелия на могилке невинного младенца, погибшего Дёмушки. Или, например, сам образ Савелия, «богатыря святорусского», убившего спящую медведицу, попустившего гибель младенца Дёмушки и потому обернувшегося чуть ли не медведем или колодезным журавлём, – «на óчеп я похож», «дед на медведя смахивал.., ну, распрямится. / Пробьёт дыру

медведище / В светёлке головой». Мифопоэтический контекст эпopeи превращает в богатыря даже младенца Дёмушку: «Сто лет зима бессменная / Стояла. Растопил её /Твой Дёма-богатырь» Архаический «богатырь» леса медведь, языческое ярославско-волжское племенное божество составляет важный мифопоэтический мотив, как бы обрамляющий ключевой образ-архетип «матери и сына», сюжетно его «оформляющий». Причём не только мифопоэтически, с элементами языческой архаики, но и, как ни парадоксально, христианско-архетипически, иконографически: Матрёна – Дёмушка, младенец, невинно погибающий – Савелий, столетний старец и известная иконография «Ныне отпускаеши»: Богородица, младенец Христос на руках у древнего Симеона-Богоприимца. И всё же в центре ядром сюжета и композиции здесь остаётся архетипический мотив, образ матери и сына, поэтому принципиально важен образ-архетип Родины-Матери, который находим в эпопее, как, впрочем, и в других произведениях Некрасова. Так, в главе «Помещик» эпopeи «Кому на Руси жить хорошо»: «О матушка! О родина! /Не о себе печалимся, /Тебя, родная, жаль. /Ты, как вдова печальная, /Стоишь с косою распущенной, /С неубранным лицом!...» или там же «На всей тебе, Русь-матушка..» или «Нам жаль, что ты Русь-матушка, /С охотою утратила/ Свой рыцарский, воинственный, /Величественный вид!»

Мотив охоты и архаический образ охотника востребован Некрасовым вместе с обсуждаемым архетипическим мотивом «матери и сына» в малой поэме «В деревне», причём не просто охотника: «Росту большого, рука что железная, / Плечи – косяя сажень», – но в схватке с медведем, названным здесь «хозяин-большак»: «Сын ли мой не был удал? / Сорок медведей поддел на рогатину – /На сорок первом сплошал!» Мифопоэтический контекст героя и медведя, соотнесённый с архаикой Начал, находим и в других текстах поэта, например, таков образ бурлака в малой поэме «На Волге / Детство Валежникова». И всё же главное место в малой поэме «В деревне» занимает образ матери Савушки, Касьяновны, которая оплакивает гибель сына и зовёт смерть как конец мук и страданий. Важно, что построен текст вокруг разговора двух старух у деревенского колодца, и этот разговор услышан и передан героем-повествователем. Важно,

что архетипический мотив слёз старухи соединён с образом-архетипом воды-колодца. В подавляющем большинстве сюжетов Некрасова образ матери и мотив слёз-оплакивания потери или драмы сына существуют нераздельно. Начиная с первого текста литературы Руси «Слова о Закон и Благодати» мотивы матери и сына, а также воды как аналоги живоносного Начала, – проходят через века и широко отражены в поэзии Некрасова. Стихия воды многообразна: слёзы («Плачет старуха...» – «В деревне», «Одни я в мире подсмотрел/Святые, искренние слёзы – / То слёзы бедных матерей! / Им не забыть своих детей, / Погибших на кровавой ниве...» – «Внимая ужасам войны!»); это может быть даже пот и кровь, слёзы и питьё («Многострадальная мать! ... Надо ребёнка качать! ... Некогда кровь унимать! ... Слёзы ли, пот ли у ней над ресницею / Право, сказать мудрено.. Вкусны ли, милая, слёзы солёные / С кислым кваском пополам?...» – «В полном разгаре страда деревенская»).

Часто образ-архетип «матери и сына» выступает знаком понятия «семья». Драма Груши и её сына, стоящих на краю могилы, лежит в основе сюжета первой удавшейся и успешной, определившей затем многое поэмы Некрасова (1845). Это и драма семьи ямщика, от имени которого идёт рассказ. Уже говорилось о драме семьи Матрёны Тимофеевны, её мужа Филиппа, погибшего сына – младенца, первенца Дёмушки – в эпосе «Кому на Руси жить хорошо», там же упоминался образ Родины-матушки. Словосочетание «Родина-мать!» встречается в стихотворении «Свобода» и поэме «Саша»: «Родина-мать! по равнинам твоим / Я не ездил ещё с чувством таким!», «Родина-мать! я душою смирился, / Любящим сыном к тебе воротился». Характерным здесь, как, впрочем, и нередко у Некрасова, является образ-архетип не просто возвращения, но возвращения как блудного сына: «Родина-мать! ... Я побеждён пред тобою стою! ... Силу сломили могучие страсти, / Гордую волю погнули напасти, .. Перед тобою мне плакать не стыдно, / Ласку твою мне принять не обидно – / Дай мне отраду объятий родных, – Дай мне забвенье страданий моих! / Жизнью измят я .. и скоро я сгину.., / Мать не враждебна и к блудному сыну; / Только что ей я объятья раскрыв – / Хлынули слёзы, прибавилось сил..». Разумеется, евангельский сюжет блудного сына имеет столь же архетипическую

природу, как и многие образы и мотивы древнерусской литературы и поэзии Некрасова. И, характерно, в поэме «Саша» Некрасова этот мотив соотнесён с образом Родины-матери, обсуждаемым образом-архетипом «мать и сын». Образ реальной матери поэта, рано ушедшей и драматично представленной в стихах Некрасова («Родина», «Рыцарь на час», «Баюшки-баю») не заслоняет и не подменяет обширный и многообразный в творчестве поэта архетипический ряд мотива «мать и сын». Вместе с тем, нельзя не отметить важную в творчестве Некрасова функцию образа матери как музыки поэта. Предсмертную встречу с образом матери Некрасов погружает в стихию и магию колыбельной («Баюшки-баю»). Здесь образ-архетип «мать и сын» представлен в изначально-предвечном космосе, но космосе творящем, космосе Бога-Слова. Поэтическое завещание, но и прощание Некрасова соединяет вместе образы матери: «Я не один.. Чу! голос чудный! / То голос матери родной..» и отражённую стихию пушкинского слова: «..услышишь песенку свою /Над Волгой, над Окой, над Камой..», соединяет их в формате архаического (мотивы «мать и сын», «детство», «начала жизни») жанра колыбельной. И, характерно, в последнем предсмертном произведении Некрасова соединяются вместе практически все архетипические мотивы, обсуждавшиеся выше и связанные с магистральными: «матери и сына», мотивами воды (Над Волгой, над Окой, над Камой...»), слёз («..ни человеческого стоны, /ни человеческой слезы..»), матери-родины/ «Свободной, гордой и счастливой / Увидишь родину свою, / Баю-баю-баю!»).

Библиографический список

1. Шахматов, А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах [Текст] / А. А. Шахматов. - СПб., 1908. Приселков, М. Д. История русского летописания XI–XV вв. [Текст] / М. Д. Приселков. - СПб., 1996.
2. См. Будовниц, И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.) [Текст] / И. У. Будовниц. - М., 1960; Громов, М. Н. Древнерусская философия истории в «Повести временных лет» [Текст] / М. Н. Громов // Актуальные проблемы истории философии народов СССР. - М., 1975. Вып. 2. - С. 3–13; Кизилов, Ю. А. Историческое мировоззрение авторов

«Повести временных лет» [Текст] / Ю. А. Кизилов // Вопросы истории. – 1978. - № 10; Замалеев, А. Ф. Философская мысль в средневековой Руси [Текст] / А. Ф. Замалеев. - Л., 1987.

3. Турбин, В. Н. Поэтика романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» [Текст] / В. Н. Турбин. - М., 1996.

4. Филипповский, Г. Ю. Динамическая поэтика русской литературы [Текст] / Г. Ю. Филипповский. - СПб., 2008. См. тж. Пушкарёва, Н. Л. 1) Женщина Древней Руси [Текст] / Н. Л. Пушкарёва. - М., 1989; 2) Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» в русской и зарубежной науке [Текст] / Н. Л. Пушкарёва. - М., 2002.

5. Мирча, Э. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторения [Текст] / Э. Мирча. - М., 2000.

6. Топоров, В. Н. Об историзме Ахматовой [Текст] / В. Н. Топоров // Russian literature XXVIII–III.1 October 1990.

7. Филипповский, Г. Ю. Динамическая поэтика русской литературы... [Текст] / Г. Ю. Филипповский...

8. Лихачёв, Д. С. Своеобразие исторического пути [Текст] / Д. С. Лихачёв // Д. С. Лихачёв о филологии. - М., 1989.

9. Там же.

УДК 37.016:82

Ю.А. Филонова

**Подготовка учащихся к сочинению–рассуждению
на материале лирического стихотворения
(часть «С» ЕГЭ по литературе)**

Структура экзаменационной модели ЕГЭ по литературе предполагает наличие 3-х частей. Часть I посвящена анализу эпического или драматического произведения, часть II включает анализ лирического произведения, в части III проверяется умение построить связное содержательное речевое высказывание на заданную литературную тему, сформулированную в виде вопроса проблемного характера.

Напомним, что часть 2 «Анализ лирического произведения» содержит 5 заданий с кратким ответом (B1 – B5) и 2 зада-